

Н. П. Казначеева

**ПЕРВЫЙ ЭТАП ДЕНАЦИФИКАЦИИ
НА ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ 1945 ГОДА:
НАПРАВЛЕНИЯ, НОРМАТИВНОЕ И СИЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ**

В статье представлена характеристика мероприятий по денацификации Восточной Пруссии на завершающем этапе Великой Отечественной войны, показаны привлеченные силы и средства, обоснованность принимавшихся мер, их соответствие обстановке на освобожденных территориях.

N. Kaznacheeva

**THE FIRST STAGE OF DENAZIFICATION OF EASTERN PRUSSIA
IN EARLY 1945: DIRECTIONS, NORMATIVE AND FORCE PROVISION**

The article characterizes the actions aimed at the denazification of Eastern Prussia at the final stage of the Great Patriotic War, shows the involved forces and resources, foundation for the undertaken measures and their correspondence to the situation in the released territories.

Современный этап исторического познания характеризуется ростом интереса к проблемам Великой Отечественной войны и ее последствиям, что объясняется стремлением исследователей к достижению истины посредством переосмысления событий, которые в историческом измерении обладают определенной конкретностью. Это важно осуществить в противовес попыткам перевернуть историю, исказить очевидное, представить освободителей поработителями, а агрессоров – пострадавшими. Сегодня нет альтернативы тому, что именно советский народ и Красная Армия не только сломили натиск агрессии, но и внесли решающий вклад в искоренение идеологии фашизма в Германии и ряде других европейских государств. В данном контексте начальный этап денацификации рассматривается не в традиционных рамках послевоенного периода, а на завершающей стадии войны во взаимосвязи с мерами по преодолению сопротивления на германских территориях.

Известно, что взаимодействие союзников по антигитлеровской коалиции в области денацификации на территории побежденной Германии осуществлялось в рамках Союзной контрольной комиссии, созданной на встрече в Потсдаме в 1945 г. Но главные принципы ее организации и деятель-

ности были согласованы в процессе дипломатических переговоров во время Второй мировой войны. При этом каждая из сторон оставляла за собой право определять степень распространения репрессивных мер воздействия на конкретные слои и социальные группы немецкого населения в своих оккупационных зонах. В одном из документов Советской военной администрации в Германии предусматривалась ответственность всего немецкого народа «за гитлеровскую захватническую войну»¹. Это положение вопреки согласованным намерениям союзников, проявившимся в годы активного военного сотрудничества, обусловило распространение мер в области денацификации не только на рядовых членов национал-социалистической партии, но и на простых граждан страны.

После того как линия фронта вышла за пределы советского государства, перед руководством и командованием встал вопрос об обеспечении безопасности тыла наступавшей Красной Армии. Однако, если в Румынии, Югославии и Венгрии имелась возможность согласования репрессивных мер в отношении немецкого населения этих стран с национальными правительствами или временными органами власти, то на территории главного противника, в

частности в Восточной Пруссии и Верхней Силезии она отсутствовала. Поэтому здесь требовалась не только иная мотивация, но и соответствующее обстановке обоснование силовых мероприятий применительно к гражданскому населению.

В условиях продолжавшейся войны и ожесточенного сопротивления гитлеровских частей сделать это было не очень сложно, тем более что реально существовали диверсионно-террористические группы, нападавшие как на отдельных военнослужащих, так и на небольшие подразделения Красной Армии. Остатки разбитых фашистских войск, переодетшись в гражданскую одежду, пытались раствориться среди местного населения и не упускали момента разрушить или хотя бы навредить советским тыловым коммуникациям. Все это в определенной степени обусловило направления деятельности контрразведывательных органов и войсковых структур Наркомата внутренних дел. Они опирались на приказ наркома НКВД № 0016 от 11 января 1945 г. «О мероприятиях по очистке фронтовых тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов и о назначении уполномоченных НКВД СССР по фронтам». Названный приказ НКВД ставил перед своими уполномоченными задачу немедленно проводить на территории, освобожденной от войск противника, «чекистские мероприятия, обеспечивающие выявление и арест шпионско-диверсионной агентуры германских разведывательных органов, террористов, участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп..., выявлять и изымать нелегальные радиостанции, склады оружия, подпольные типографии и другие материально-технические базы, предназначенные для вражеской работы»². Естественно, что в первую очередь это касалось крупных городов и населенных пунктов, промышленных предприятий, железнодорожных станций и узлов.

Исполнителям предписывалось незамедлительно арестовывать «командно-оперативный состав полицейских органов, ру-

ководящий состав тюрем, концентрационных лагерей, военных комендантов, прокуроров, следователей, членов военных судов, трибуналов, руководителей областных, окружных, уездных дум и управлений, членов фашистских организаций, руководителей крупных хозяйственных и административных организаций, редакторов газет, журналов, авторов антисоветских изданий, командный и рядовой состав армий воюющих с СССР стран, и так называемой «Русской освободительной армии», а также прочий подозрительный элемент»³.

Как видно из представленного перечня, часть указанных в нем лиц вполне соответствовала межсоюзническим договоренностям о применении к ним мер силового и административно-правового характера. Однако в него включены также и такие категории, отношение которых к политике нацистов явно требовало тщательного разбирательства. В то же время такое неопределенное на первый взгляд положение, как «прочий подозрительный элемент» трудно сразу же отнести к необоснованным и завышенным оценкам состояния дел на освобождаемых территориях Восточной Пруссии. Советским контрразведчикам в действительности пришлось столкнуться с таким явлением, как преднамеренное создание и нелегальная деятельность подпольных группировок, возглавлявшихся не военными, а руководителями и активистами местных организаций Национал-социалистической партии Германии. Одна из таких групп, например, была выявлена и обезврежена в городе Глейвице. Ее участники были нацелены на совершение террористических актов против советских военнослужащих, а также против немцев из числа членов антифашистского движения. Оружие, снаряжение и боеприпасы они хранили в тайниках в лесном массиве. Этот факт был не единственным, а их совокупный анализ свидетельствует о сложности оперативной обстановки, требовавшей адекватных мер противодействия. Довольно часто встречались и мстители-одиночки, фанатично пре-

данные гитлеровскому режиму. Так, в населенном пункте Наганц в Верхней Силезии один из представителей Гитлерюгенда был специально оставлен руководителем местной партийной ячейки для осуществления подрывов складов с боеприпасами, минирования железнодорожных путей, обнаружения и повреждения линий связи. Он был обезврежен после попытки повернуть в неправильное направление указатели на дороге, проходившей через его село⁴.

Эффективность антитеррористических и профилактических мероприятий в тыловых районах действующей Красной Армии во многом зависела от их силового обеспечения. В этих целях главным образом использовался кадровый оперативный состав НКВД и НКГБ, а также части пограничных и внутренних войск. В соответствии с приказом Наркома внутренних дел в распоряжение каждого уполномоченного фронтов выделялись 150 наиболее опытных сотрудников из территориальных органов. Помимо этого, для проведения чекистско-войсковых операций в их подчинение передавались подразделения войск НКВД по охране тыла фронтов, в общей сложности 58999 человек. Их распределение по конкретным фронтам осуществлялось из расчета стратегической важности того или иного направления всей наступательной операции. Наибольшее количество сил было придано уполномоченным по 3-му Белорусскому фронту – 12035 человек, по 2-му Белорусскому фронту – 9993 человека, 1-му Белорусскому фронту – 11160 человек, 1-му Украинскому фронту – 7331 человек и 4-му Украинскому фронту – 9456 человек. Оба Прибалтийских фронта получили подкрепление численностью 9024 человека⁵.

Для выявления подозрительных лиц войсковые подразделения прочесывали местность, совершали рейды по населенным пунктам, производили фильтрационные мероприятия с «изъятием» и арестами. Иными словами, деятельность групп распространялась на всех местных жителей немецкой национальности без исключе-

ния. С одной стороны, такой подход позволял решать исключительно контрразведывательные задачи по борьбе с террористическими проявлениями в ходе общепрофилактических мер, с другой – под подозрение попадали все, кто мог представлять даже потенциальную опасность, кто по возрасту и состоянию здоровья был способен на активное противодействие. Компрометирующей информацией в ряде случаев становилась сама принадлежность к немецкой нации и проживание на германской территории. Распространенным становилось убеждение в том, что гражданин рейха не может быть лояльно настроен к советской власти, вследствие чего он является ее противником, носителем враждебной идеологии и поэтому подлежит аресту и перевоспитанию.

По большому счету именно в этом заключался основной смысл политики денацификации. Но формы и методы ее проведения в рассматриваемый период порой носили неразборчивый и чрезмерно насильственный характер. Первые же донесения о положении в тылу Красной Армии и развитии обстановки в освобожденных от фашистских войск районах Восточной Пруссии и Верхней Силезии послужили основой для постановления Государственного комитета обороны № 7467сс от 3 февраля 1945 г. Командование фронтов и уполномоченные НКВД призывались «принять решительные меры по предотвращению всяких попыток со стороны враждебных элементов... к активной вражеской деятельности в районах продвижения Действующей Красной Армии как против воинских частей, так и отдельных командиров и бойцов...». В отношении лиц, «уличенных в совершении террористических и диверсионных актов» допускалось применение крайней меры – уничтожение на месте преступления⁶. Расстрел террористов служил одновременно предупреждением окружению в том, что всякое сопротивление бесполезно и наказуемо.

Чтобы сократить потенциальную базу развития преступности на освобожденных землях, Государственный Комитет оборо-

ны дал указание «мобилизовать на территории фронтов... всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет». В этом смысле первый удар пришелся на немецкое население стран Юго-Восточной Европы. Отсюда на работы в СССР было отправлено в общей сложности 112352 человека: из Румынии – 69000, Венгрии – 32000, Югославии – 11000 человек⁷. По существу, речь шла о трансильванских саксах и банатских швабах, достаточно длительный период проживавших в названных государствах, но этническое родство с немцами Германии автоматически относило их к числу потенциально опасных категорий населения. Мобилизация снимала многие проблемы оперативного характера, в том числе в проведении антитеррористических мероприятий. Она давала возможность отсрочить детальную проверку конкретного человека и провести ее в более благоприятных условиях в СССР.

Значимость операции в тылу Красной Армии хорошо просматривается на основе анализа ее нормативного обеспечения. Как уже отмечалось, 3 февраля 1945 г. вышло постановление Государственного Комитета Обороны, вслед за ним 6 февраля был издан приказ НКВД № 0061, который следует считать больше дополнением к решению высшего государственного органа, чем соблюдением принятой в то время формальности и конкретизацией основанных на нем оперативных мер.

В приказе, например, не только определялся порядок, сроки проведения мобилизации, места расположения сборных пунктов, но и содержался полный перечень вещей и предметов, которые необходимо было иметь при себе: «комплект зимней одежды и обуви, не менее двух пар белья, комплект постельных принадлежностей (одеяла, простыни, тюфячную и подушечную наволочки), предметы личного обихода (чайную и столовую посуду), а также запас продовольствия не менее чем на 15 дней». Но самое главное состоит в том, что в отличие от постановления Государственного

Комитета Обороны он определял степень ответственности за попытки уклонения от выезда в Советский Союз. В его тексте объявлялось, что «за неявку на сборные пункты подлежащие мобилизации будут преданы суду Военного трибунала»⁸.

Таким образом, анализ нормативного и силового обеспечения мероприятий по денацификации на восточных территориях Германии позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, на основании постановлений и распоряжений Государственного Комитета Обороны, руководство НКВД, командование фронтов готовило собственные директивные указания, которые были еще более подробными и детализировали каждое из намеченных мероприятий в отношении немецкого населения. В соответствии с этими указаниями, немцы подразделялись на четыре категории. К первой категории относились террористы и диверсанты, которых, как того и требовало центральное руководство, при наличии явных признаков совершения преступления или подготовки к нему надлежало уничтожать на месте без каких-либо дополнительных разбирательств. Во вторую категорию зачислялись все лица, служившие в немецкой армии, независимо от времени и причин демобилизации или других обстоятельств пребывания вне своих воинских частей. Третью категорию составляло все немецкое мужское население в возрасте от 17 до 50 лет, пригодное к труду и способное в силу своего физического состояния представлять потенциальную опасность в тылу Красной Армии⁹. На учет брались в первую очередь граждане Германии, в том числе фольксдойче, т. е. немцы, родившиеся в странах Восточной Европы, лица немецкой национальности, прибывшие на жительство на территорию рейха в 1939–1940 гг., в частности из аннексированных Советским Союзом районов Прибалтики, Польши и Румынии¹⁰.

Во-вторых, как нам представляется, с позиций сегодняшнего дня достаточно сложно предъявлять обвинения военным и

сотрудникам органов внутренних дел, выполнявшим решения правительства по насильственной переориентации взглядов взрослого немецкого населения Германии 1940-х гг. Объективность требует учета всех без исключения факторов и обстоятельств. Конкретные исполнители мероприятий в области денацификации знали и отчетливо представляли, что за их плечами разрушенная родина, оскверненные святыни, искалеченные судьбы миллионов людей, уни-

женные старики и оскорбленные женщины, обездоленные и осиротевшие дети. При этом достаточно сложно было оставаться справедливым по отношению к населению той страны, откуда пришли беды и лишения. Они, естественно, действовали с убеждением в своей правоте и с чувством гордости за то, что выстояли в кровавой схватке с врагом и теперь вправе вершить суд над колыбелью агрессии и жестокости, каковой для них представлялась Германия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 174.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 44–48.

³ Sowjetische Speziallager in Deutschland. Band 2. – Berlin, 1998. – S. 142–146.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2212. Л. 262.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 44–48.

⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 369. Л. 3.

⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 13а. Д. 5. Л. 16–20.

⁸ Там же. Оп. 37а. Д. 3. Л. 20–23.

⁹ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 100. Л. 47–48.

¹⁰ Там же. Л. 181–182.